

Участникам VII Пермского экономического форума в этом году предстояло не просто пообщаться и поделиться наболевшим, но и придумать новую культуру — «Культуру Три». Первые две за них уже придумал писатель-эмигрант Владимир Паперный в своей книге 1980-х годов «Культура Два», также приехавший на форум наполнять смыслом новое определение, которое и должно стать основным трендом для России после «разрушительных» 1990-х и «восстановительных» 2000-х. В поиске будущей «Культуры Три» приняла участие корреспондент „Ъ“ **Ирина Парфентьева**. Хотя единства мнений о том, что именно должно получаться, на форуме не предполагалось, именно в этом и в готовности слышать соседей и предполагался успех.

Пермь в поисках нового звука

Согласно заданному книгой Владимира Паперного тону (интервью с писателем-эмигрантом читай на стр. 18), «Культуре Один» — революционному периоду — в российской истории соответствовали 1990-е. После докладов (с ними выступили в том числе учредитель Школы управления и демократии Арташес Газарян, первый замгендиректора телеканала «Россия» Александр Любимов, президент Фонда эффективной политики Диеб Павловский), которые больше напоминали воспоминания о баснословно «лихих» временах, участники форума провели интерактивное голосование, по итогам которого стало понятно, кто же сидит в зале. Большинство присутствующих все же хотело бы вернуться к началу новой российской истории (60% голосов; меньшинство — 11% — составили те, кто бы хотел вернуться и вовсе в СССР) и считает приватизацию ошибкой (52%). Правда, как отметил в своем выступлении ведущий научный сотрудник Института экономической политики Кирилл Рогов, «ошибка у реформаторов 1990-х годов заключалась не в том, что либеральная доктрина приватизации была ошибочной, а в том, что они не обратили внимания и не поняли главного вопроса, а откуда должен взяться этот самый справедливый рынок, который придаст правам собственности законность». Таким образом, налицо первый тезис «Культуры Три» — это переосмысление, а вернее, осмысление двух предыдущих культур.

Искать «справедливый рынок» участники продолжили на сессии «Культуры Два», описанной как стабилизаационный период. Как охарактеризовал начало 2000-х годов замдирек-

Только разнообразие голосов и наличие своей партии в Перми позволяют слышать общее высказывание — оно совершенно не обязательно будет сформулировано в словах

тора Института философии РАН Петр Щедровицкий, перед страной в этот период стояло три ключевые группы проблем. «Первая — это проблема поиска модели пространственного развития России и адек-

ватной этой модели системы регионального управления. Вторая — это возможности диверсификации экономики и встраивания в существующую развивающуюся систему международного разделения труда.

И, наконец, третья — это проблема оценки качества человеческого и социального капитала», — пояснил он.

Более точное место России, которое она заняла в 2000–2010 годах в мировой систе-

ме координат и, по сути, с чем встала на новой отметке «2010–2020», описал управляющий партнер московского офиса McKinsey & Company Ермолай Солженицын. «Мы большая экономика, у нас неплохой

рост, мы седьмые в мире, — отметил он. — Безработица у нас сейчас довольно низка и будет еще ниже, потому что мы потеряем 10–15 млн из занятого населения за следующее десятилетие». Далее еще менее опти-

мистично от консультанта многих российских и западных компаний пошли реплики о том, что «ну, конечно, нефть свалилась с неба — замечательно», «производительность труда у нас низкая, 30% от Америки, и за последние три года она не выросла». Состояние российской промышленности последнего десятилетия он и вовсе сравнил с костюмом. «Вот был у человека костюм 20 лет назад, но человек похудел и костюм стал ему большой. А потом он насытился, стал поправляться, а костюм ему хоть и нормально по размеру, но уже морально устарел», — рассуждал господин Солженицын. Завершил свое выступление он, уже глядя на настоящее: «Финансовая сила накоплена, настрой на „Сколково“ — это очень хорошо, но не надо забывать про какие-то системные вещи. Нельзя делать сразу 25 разных инициатив, 26 платформ, 5 направлений модернизации, „Сколково“, инвестиционный фонд и еще что-то и по каждому из них проводить по пять совещаний, и уже не остается тогда времени заниматься системными вещами». Это был, по сути, еще один тезис «Культуры Два»: одеваться необходимо по фигуре, точность и собранность — это то, чего нам не хватало ранее.

Чтобы участники форума, вероятно, лучше подготовились к осмыслению и формированию «Культуры Три», со спецдокладом перед заключительной сессией выступил президент Института свободы и демократии Эрнандо де Сото. Исторический экскурс экономической мысли начиная с XIX века свелся к финальной реплике: «Собственность — это и есть невидимая рука рынка». Отметим, в интервью „Ъ“

господин де Сото достаточно внятно заявляет тему возможного понимания будущей «Культуры Три»: как и для всякой страны, путь в будущее не может быть шаблонным и описываться в стандартных терминах. «Культура Три» — это отказ от стандартных моделей и приоритет поиска.

Наконец, завершить поиск новой культуры и нового тренда российской действительности на период до 2020 года решили, в частности, директор Музея современного искусства PERMM Марат Гельман (его колонку читайте на стр. 20), ректор Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов и экс-губернатор Всемирного экономического форума Пьер Жан Эверат. О том, что думают представители политического и экономического сообщества о предстоящем десятилетии, стало также ясно из опроса, проведенного по итогам заседания. Так, главным вызовом, который должен быть учтен при формировании «Стратегии-2020», является Китай (51%; мусульманский мир — 24%, США — 11%), а основной внутренней угрозой является вероятность социального взрыва (66%). По отношению к государственной роли участники форума также были практически единогласны: оно должно перестать быть игроком рынка, а перейти в категорию регулятора (68%).

Можно было бы продолжать и далее формулировать тезисы будущей «Культуры Три». Но в этом нет необходимости: участники ПЭФ-2011 не скрывали, что в последующие годы намерены продолжить это занятие. Причем как в пределах Перми будущей весной, так и все время, оставшееся до будущей весны.

«Шутим, развлекаем, рассказываем про то, что женам будет чем здесь заняться»

После встречи с президентом Института свободы и демократии Эрнандо де Сото губернатор Пермского края **ОЛЕГ ЧИРКУНОВ** написал в своем блоге: «Не знаю, как ему, мне было это и интересно, и полезно». О значении экономического форума для Перми и иностранных инвесторов губернатор рассказал в интервью „Ъ“.

— Для Перми вы видите в первую очередь развитие потенциала в производственных, традиционных, сегментах или непроизводственных сферах? — Отвечу мыслями тех, кто выступал на форуме. Тот же Эрнандо де Сото говорил, что хотя в производстве карандаша и задействовано много стран, богатеют только там, где обеспечивают координацию или коммуникацию между всеми участниками производственного цикла. Конечно, важно создавать рабочие места, но в этом случае мы вступаем в конкуренцию с Китаем за стоимость рабочей силы по принципу «чем дешевле, тем лучше». Какой выход из этой ситуации? Продолжать поставлять очень дешевую рабочую силу. Но если у нас есть хоть какой-то шанс поконкурировать с кем-то в сфере выстраивания логистических цепочек, коммуникаций — это более достойная цель. Я не уверен, что сегодня крупные европейские

города борются за создание сборочных производств. И нам тоже нужно подумать, спотили за это бороться. Правда, есть еще один важный аспект: не бороться за что-то новое и проигрывать то, что уже есть, — это крах. Производство должно быть опцией — пусть будет хоть что-то. Кроме того, важен баланс рабочей силы. Что будет в дефиците через десять лет? Рабочие места? Возможно, но маловероятно. С большей вероятностью возникнет дефицит рабочих рук, по крайней мере, такая тенденция существует. Это значит, что чем больше людей мы займем низкокавалифицированным рабочим трудом, тем меньше у нас сможет разместиться высокотехнологичных предприятий и отраслей. Наша задача сегодня — это продвигать людей, создавать те

виды производства, которые будут помогать им расти. — И вам форум в этом начинании как-то поспособствовал? — Мне кажется, важнее понять, какие ощущения у участников форума. Главная задача была создать площадку, где люди бы включили свои мыслительные процессы. У меня тут был целый ряд очень полезных и интересных встреч, которые могут к чему-то привести, хотя могут и не привести. Например, с де Сото я общался часа три. Сегодня я не отвечаю на вопрос, что мы собираемся делать с де Сото — может быть, что-то и будем. Более важный вопрос, хватит ли сейчас ума найти интересный формат взаимодействия между нами и ними — людьми такого уровня, как де Сото. Он же говорит: «Ребята, нам очень интересно работать с Пермским краем, но вы нам предложите что-то такое, какой-то интересный проект, который будет интересен всему миру». — Например? — А вот примеров-то как раз и нет пока. Им нужно реально предложить проект по типу проекта Цукерберга (Марк Цукерберг, основатель Facebook. — „Ъ“). В мире сегодня очень много людей, которые хотят решать задачи чутью большего масштаба, чем они сейчас решают. Но у всех дефицит великих проектов. (Окончание на стр. 19)

«Надежду на реализацию либеральной программы может дать и левый лидер»

В работе Пермского экономического форума в апреле принял участие один из самых влиятельных мировых либеральных экономистов — глава Института свободы и демократии (Лима) перуанец **ЭРНАНДО ДЕ СОТО**, специалист по институтам собственности, подкуроводством которого десятки стран мира корректировали национальные законодательства. В интервью „Ъ“ господин де Сото рассказал о том, почему, с его точки зрения, непродуктивно деление на «социалистов» и «либералов», почему советы западных экономистов нередко неэффективны для развивающихся рынков, а также о том, о чем именно его спрашивают в правительствах России.

— Насколько распространена в мировом масштабе российская политическая ситуация, в которой достаточно либеральная программа правительства сопровождается нередко и антилиберальной, и антирыночной риторикой власти и неструктурированным, но мощным сопротивлением со стороны общества? — По этому поводу мне приходят в голову самые разные мысли. Я много где с такой ситуацией сталкивался, и в принципе все, что говорилось по поводу аналогичных ситуаций в мире, применимо и в России. Во-первых, большинство существующих либеральных и рыночных идей — это идеи мыслителей XX и XXI веков, живущих в обществе, крайне не похожем на общество стран развивающихся рынков. Сам язык, на котором

они говорят, для реальности развивающихся стран не годится. Кроме того, если вы пойдете глубже, обратившись к образу мышления либералов XVIII–XIX веков, то обнаружите, что они жили в мире, где целью общества было избавление от абсолютной власти. В наше время западным мыслителям об этом думать уже не приходится. И поэтому большинство западных либеральных мыслителей строит свои аргументы в контексте сокращения госрегулирования и госконтроля, а он вовсе не обязательно актуален для той ситуации, которая есть сейчас на развивающихся рынках. Политики в этих странах принимают: риторика западного происхождения не подходит для их аудитории, а риторика XVIII–XIX веков у них в инстинкты просто нет. Поэтому они заимствуют ту риторику, которая понятна массам, и говорят скорее социалистическим языком, который население хорошо понимает. Поэтому и выглядит это в значительной степени социалистически.

Однако политики забывают важный момент, и я пытался донести его до аудитории Пермского форума. В XIX веке либералы и реформаторы понимали, что они занимаются созданием институтов и механизмов, о которых Адам Смит и его современники не упоминали, но для них главным врагом была абсолютная, абсолютистская власть. И лишь позже выяснилось, что не столько абсолютная власть, сколько институциональное развитие обеспечило защиту бедным во всем мире. Абсолютную власть, основой которой были монополии и крупный бизнес, мало волновал вопрос открытия рынков для всех игроков. Эта часть реформ XIX века очень слабо зафиксирована документально. Именно поэтому сегодня левые либералы с развивающихся рынков используют риторикой недавних и очень влиятельных мыслителей-борцов за свободу личности, которые мало писали об открытости рынка и конкуренции, поскольку любое прямое обращение к более современным западным идеям свободного рынка легко может быть использовано против них их оппонентами-левыми. — Поэтому вы, либертарианец, спокойно относитесь к тому, чтобы вас воспринимали как левого? — Нам важно использовать два языка, две риторики. Кроме того, либертарианство в чистом виде имеет большой изъян. А именно: оно игнорирует силу классового анализа. Марксистский анализ имеет здесь неоспоримое преимущество: признавая существование классов, он дает возможность обращаться

к аудитории из разных экономических групп. Имея в распоряжении классовый анализ, вы можете говорить и с наемными сотрудниками компаний, и с акционерами, и с владельцами на их языке. То, что в последнее столетие либерализм одержал важнейшие победы над коммунистической идеологией, использовавшей классовый анализ для манипуляций реальностью, не означает, что невозможно неконфронтационный классовый анализ, не сводящийся к «войне за победу пролетариата». Когда интересы классов совпадают, капитализм действительно дает приемлемые плоды, во всяком случае, не все из них так уж плохи. А если вы не будете учитывать постоянное создание в процессе экономического развития разных классов, вам придется переходить к чисто социалистической риторике — это и вызывает противоречие, о котором вы говорите. Так складывается почти в каждой стране развивающегося мира, в бывших коммунистических странах — точно так. Это характерно, например, для Китая, для Албании, которой я немного, но занимался. — Насколько известно, вы консультируете и правительство России по подобным вопросам... — Мои знания о России на грани слабых и полного их отсутствия, поэтому отвечу о том, чем занимался, — об институтах прав собственности. Меня всегда очень удивляло количество звонков и приглашений, которые я получаю из бывшего Советского Союза — на уровне глав государств. Ко мне обращались президенты стран бывше-

го СССР, которые садились со мной, показывали мне мою книгу «Тайна капитала» с подчеркнутыми и начинали со мной беседовать о том, что именно в ней написано. И всякий раз я понимал: со мной разговаривают вроде бы о том, что я писал, но так, что я довольно часто не могу понять, что они уточняют. Как правило, мне не хватает практических знаний об их странах для квалифицированного ответа на их вопросы: чтобы понять, что именно в моих книгах их затронуло, я должен был бы жить в их стране, знать их реальность. Достаточно часто предмет разговора действительно есть: практически всех интересует право собственности и последствия его нарушения. Скажу только одно. В разных странах мира, где я участвовал в коррекции режима прав собственности в законодательстве, всегда действовал один и тот же принцип. Если вы уже установили качественное законодательство о собственности, если оно действительно работоспособно, если оно соответствует национальным представлениям, институтам, традициям, деловой практике, если оно адаптировано к текущей ситуации — я не могу себе представить, чтобы в этой стране кто-то был лишен своей собственности. Если же есть проблемы с правами собственности, то, я думаю, произошло следующее: при разработке своего закона о собственности в стране просто не подошли к вопросу так тщательно, как это следует делать.

Полностью интервью читайте на Ъ-Онлайн

review ПЕРМСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Общественный договор с отсрочкой исполнения

Даже если на форуме побывало несколько тысяч человек, третья задача любого организатора после собственно организации и работы по повестке — обеспечить трансляцию происходящего для отсутствующих. Редактор „Ъ-Review“ ДМИТРИЙ БУТРИН рассказывает о важнейших итогах ПЭФ-2011 для тех, кто пока не долетел до Перми. Это прежде всего попытка рационального и иррационального анализа первых двух десятилетий России в поиске социально-культурных оснований для стратегии 2010-х: смысл поисков форумом формул «общественного договора» не в самих формулах, а в обозначении пространства, в котором их можно и осмысленно вести. На взгляд снаружи, оно существует.

Не удивительно, что формат ПЭФа столь разительно отличается от большинства других схожих форумов в России: первый вопрос, который обычно задает человек, не бывавший в Перми весной, — почему Пермский форум именуется «экономическим»? Что тут, собственно, про экономику? В повестке дня и 1990-х, и 2000-х с ее характерным экономическим довлеющим банальное соображение о том, что, собственно, никакой «экономики» отдельно от «общественной проблематики» и «культурной повестки» не существует, поскольку речь идет о различных проекциях одного и того же процесса, жизни общества, которое торгуется, строит, думает, формулирует, слушает, реагирует, звучало крайне сомнительно. Именно поэтому оправдан дизайн повестки ПЭФ-2011 22 апреля, в течение которого были рассмотрены последовательно три «культуры» российской социально-экономической реальности: «Культура Один» — революционный тренд 1990–2000-х годов, «Культура Два» — стабилизационный тренд и, наконец, «Культура

Единство мнений на Пермском экономическом форуме вряд ли приветствуется — если это не продукт их интеллектуального синтеза

Три». Она, собственно, уже существует, коль скоро мы живем в 2011 году, и окружающее нас общество довольно легко признает, что «нулевые» закончились. Но несмотря на ее существование, до тех пор, пока она не описана, а ее идеи не сформулированы, названия у нее не будет. Интерактивное голосование, которое на ПЭФе стало рабочим инструментом для форума, уже во второй день показало, как легко представители

«Культуры Три» отвечают на вопросы из 2000-х, вокруг которых годами ломались копыя. Например, 66% отвечавших уверены, что отмена губернаторских выборов снизила качество госуправления в регионах, 26% — не изменило, лишь 8% голосовавших считает, что качество выросло, несмотря на то что глава края Олег Чиркунов — из их числа. 75% уверены в том, что ни эффективный менеджмент российских компаний, ни госполитика в этом секторе не объясняют, в отличие от роста цен на сырье, рост благосостояния крупнейших бизнесменов. 88% при этой формаль-

но левой позиции уверены: государство зарекомендовало себя как неэффективный собственник. Наконец, 77% уверены: будущее в либерализации и децентрализации экономики. Не думаю при этом, что члены комиссии при президенте РФ по модернизации и технологическому развитию Александр Аузан, руководивший работой по формулировке вариантов «общественного договора», при этом был готов к тому, что сообщество раскололо на две группы по важнейшему вопросу, определяющему некое подобие общественного консенсуса «Культуры Два»: 43% опрошенных уве-

рены в том, что в конце 1990-х угроза распада страны была реальной, 57% отвергают эту версию. Тем не менее само по себе пространство, в котором общественный договор на следующее десятилетие может существовать, очерчивается голосованием более чем внятно. Приоритет интересам федеральной и муниципальной власти в этих вопросах отдали 10% голосовавших. 22% предлагают в первую очередь учитывать интересы бизнеса. Оставшиеся 68% — сторонники первоочередных интересов общества. 54% опрошенных считают основным тормозом общественного раз-

вития федеральную власть, 5% — бизнес, 24% — общество, 18% — региональную и муниципальную власть.

На этом основании может показаться, что ПЭФ — это сборище карбонариев и либертарианцев. Впрочем, иллюзии должны пропаст даже из анализа расписания сессий и развивающихся «околофорумных» мероприятий-конференций. Компания «Налоги и право», руководство и эксперты АНХ и ВШЭ, представители McKinsey и IBS, руководители Торгово-промышленной палаты, инвестбанкиры и политиконсультанты, да и просто, не побоюсь этого слова, члены партии «Единая Россия» — эту аудиторию проще встретить в Белом доме, чем на митинге.

Александр Аузан, вероятно, был удовлетворен прагматичностью мнений, поставив на голосование два «альтернативных» варианта выработанных кратких формул общественного договора. Вариант один — «расширение автономности в обмен на продление лояльности»: общество, сочетающее умеренно левые, децентралистские и общелиберальные взгляды, готово отказаться от революционных настроений в обмен на программу постепенной широкой автономизации жизни. Вариант два — «участие в принятии властных решений в обмен на инвестиции в производство общественных благ»: то же общество готово идти во власть, если власть будет активно инвестировать в сферы, требуемые обществом (вспомогательное обществом о том, что речь идет о чисто налоговом перераспределении средств того же общества, увы, не затронулся). 30% признали вариант один менее приемлемым, чем второй. И 70% против тех же 30% считают версию автономии, оплаченная лояльностью более вероятной. Что из этого следует? У меня не было возможности задать этот вопрос участникам ПЭФ-2011.

«От глупых форумов к умной коммуникационной экономике»

Буллат Столяров, продюсер Пермского экономического форума

Пока формат Пермского экономического форума никто в России даже и не пытается повторить: с одной стороны, это сложно, с другой — слишком страшно, с третьей — слишком непонятно. БУЛАТ СТОЛЯРОВ, генеральный директор IRP Group, продюсер форума, рассказывает о том, почему форум проводится именно так, как это происходит.

Коммуникационный бизнес в стране почти нет. По доле в ВВП конгрессно-выставочной экономики мы отстаем от негениальных Центральной и Восточной Европы в четыре-десять раз. Более 60% событий, которые можно назвать событиями, происходит в Москве. При этом у всей нашей элиты полное ощущение переполненности коммуникационного поля безумным количеством бессмысленных форумов. Когда говоришь, что у нас в стране на 83 региона 46 экономических и инвестиционных форумов, для любого разумного человека это чудовищная жест — ну куда столько? Чего на них можно обсуждать? Спикеров меньше, чем форумов.

Как разгадать этот ребус? Как такое малое количество коммуникационного сектора в экономике сумело в такое короткое время так сильно всех укатать? И какие есть перспективы у коммуникационного кластера в России? Ответ делится на две неравные части — Soft и Hard, то есть проблемы с событиями и с инфраструктурой.

Для любого разумного человека это чудовищная жест — ну куда столько?

Soft: бессмысленных мероприятий действительно полно, их больше 90%. И ничем, кроме низкого продюсерского профессионализма, объяснить это нельзя. Программа большинства выставок, форумов и конференций просто не содержит никакой мысли, не ищите ее там. Это поразительно, насколько малое число продюсеров в состоянии думать про событие как про комплексную услугу, состоящую из сотен экономических сервисов в адрес десятков групп конкретных аудиторий со своими ясными интересами. Большая часть проходящих в стране экономических инвентов не преследует никакой цели, кроме того, чтобы мероприятие состоялось как факт.

Сектором B2C ситуация обстоит немного лучше. Если выставка цветов, православной утвари, автомобильных аксессуаров или шуб не нашла своего потребителя, она просто банкротилась. Таких прикладных проектов просто мало, они, как правило, и близко не дотягивают до зарубежных аналогов, но там по крайней мере часто ясны продукт и аудитория. Экономический или политический ивент (B2B или B2G) может довольно долго дурить голову потребителям, не создавая вообще никакой ценности — или создавая ее в области откатов.

Пожоже, революционного сценария улучшения состояния экономических форумов в стране нет. Я не знаю, о чем думают люди, которые тратят миллионы долларов на беспесные события. Видимо, это вопрос только эволюции рынка: потребители постепенно разбикаются, где коммуникационный продукт есть, а где его нет, и голосуют рублем и ногами. В этой связи будут и дальше укрупняться такие площадки, как Пермский форум, «Иннопром», форум «Россия», форум «Роснано», возможно, появятся новые бренды. Безусловно, качественный рост статуса осмысленных площадок и дальше будет во многом зависеть от того, насколько востребованы в России они будут и властью.

Сектором B2C вновь проще: тут ситуация будет прогрессировать исключительно в жесткой уязке с появлением на российском рынке новых качественных выставочных брендов, слишком многие из которых или не пришли на наш рынок, или пришли в урезанном виде — только в Москву и Питер. Но здесь они сталкиваются со второй проблемой — качеством конгрессно-выставочной инфраструктуры в стране. Пока ее нет, брендов не будет, а значит, не будет и публики.

Hard: инфраструктуры просто нет. Делать мероприятия не на чем. Форум и выставки проходят в театрах, спортзалах, на набережных, на складах и в аэропортах, но только не в экспоцентрах. Продюсер, прежде чем делать выставку или форум, должен построить что-то типа одностороннего конгресс-центра. Это примерно то же самое, что рассуждать о развитии железнодорожных перевозок в отсутствие рельсов или спутниковой связи — в отсутствие спутников: мол, пусть провайдеры сами строят космосдром, если им надо.

Рыночный спрос на качественную конгрессно-выставочную инфраструктуру в российских миллионниках составляет сегодня от 20–40 тыс. м (экологический минимум для заметного города) до 100 тыс. м (в случае если город намерен развивать коммуникационный кластер и заниматься организацией делового туристического трафика). Разброс турпотока — от десятков тысяч до сотен тысяч человек в год, для чемпионов лет через пять-семь — несколько миллионов. Это публика, которая приезжает строго за держателями коммуникационных брендов и продуктов, которым надо только создать инфраструктурные условия для деятельности. Вот почему многие города и регионы Европы за свои деньги, без привлечения частного капитала строят огромные выставочные центры — это просто новая урбанистическая инфраструктура. Города и регионы, которые первыми разовьют адекватные конгрессно-выставочные мощности, станут в новом времени коммуникационными столицами страны. Думаю, это более чем актуально для 70% крупных городов, находящихся в латентном или явном коллапсе идей по поводу собственного экономического развития в постиндустриальной ситуации.

«МЫ МОЖЕМ САМОУНИЧТОЖИТЬСЯ»

Основной целью VII Пермского экономического форума стало обсуждение нового общественного договора между федеральной властью, регионами, бизнесом и обществом. В результате каждая сторона представила участникам программы свои претензии и предложения относительно будущей совместной жизни: предложения конфликты, но, во всяком случае, обсуждение показало: предмет обсуждения есть.

Председатель совета директоров ГК «Баркли» Леонид Казинцев

Договаривающие стороны должны в первую очередь понимать, что у них есть вещи, которые они хотят получить, и те, которые они готовы отдать. Если ситуации совпадают, тогда и возникает договор. Мы хотим, чтобы государство просто перестало заниматься бизнесом. Государство в нашей стране традиционно было основным органом, который создавал материальные ценности, услуги, поэтому уходит из секторов оно мало и медленно.

Но наша цель — это обеспечение равных условий участникам рынка, развитие конкуренции. Наши основные претензии — к федеральному центру и регионам. Есть претензии и к себе — за нашу неактивность, нечеткость и неконсолидированность позиции в представлении своих интересов. Необходимо убрать административный ресурс как неизбежный механизм работы бизнеса в государстве. И требуется действительно независимая, справедливая судебная система для защиты интересов предпринимательства и частной собственности. Налоговое администрирование должно быть эффективным — это значит, что если налоги платятся, они платятся всеми, и тогда не возникает ситуации, когда неплательщики оказываются в привилегированном положении. Государство не должно нести свои функции, а должно заниматься регулированием рынка. Бизнес должен смелее защищать свои интересы, в том числе и против внеправовых действий государства. Сегодня это сложно и рискованно.

Мы готовы отдать довольно много и готовы брать на себя ответственность за развитие со-

циальной среды — это должно стать инстинктом сохранения бизнеса, а также всех других участников общественного договора. Лучшие представители бизнеса готовы не отправлять своих детей, такая возможность есть. Дети должны оставаться заложниками страны: очень легко делать что угодно, если твои дети не здесь.

Член совета «Клуб 2015» Николай Коварский

Серьезные претензии у нас (федеральной власти. — „Ъ“) есть ко всем. Общество у нас инфантильное, неразвитое, людишки так себе; в регионах воруют, ничего не хотят делать; бизнес эгоистичный, все время все крадет — у нас крадет, а мы этого не любим, поскольку сами все любим красть. Но поскольку есть ощущение, что надо делиться ресурсами, то мы готовы делиться и полномочиями. Вероятно, надо вернуться к идее выборов, по крайней мере, в регионах, а также изменить систему контроля за регионами, в большой степени отдав это на откуп общественности. В системе межбюджетных отношений — давать

регионам больше денег. Функции правопорядка разгрузить из центра, передать их частным компаниям и регионам.

Директор Центра гражданского анализа и независимых исследований Светлана Маковецкая

Среди основных целей для развития общества можно выделить пять направлений: разрушение негативного патриотизма и создание продуктивной культуры в стране, комфортность городской и сельской среды, децентрализация и гибкость в принятии решений для регионов, доступность значимой информации и гарантия учета результатов общественной экспертизы при принятии решений, прямая коммуникация общества с властью. У общества сегодня много претензий. Так, например, мы не очень понимаем, почему с нами не согласовывают объем и направление средств на налоги. Мы считаем, что административно-командный способ децентрализации — это похоронный марш самой децентрализации. Мы очень недовольны обескровленностью мес-

тных бюджетов. Мы полагаем, что государство заигралось с тем, что постоянно ковыряет исторические шрамы.

Но у нас есть ресурсы, которых нет ни у кого. У нас есть свободное время, и мы voluntary его потратить так, как считаем нужным, в том числе на благотворительность, волонтерство и т. д. У нас есть деньги для налогов и финансирования общих нужд. У нас есть нормы и ценности, которые позволяют регулировать методами стыда то, что государство не может регулировать методами страха. У нас есть лидеры и герои с ресурсом доверия. Наконец, у нас есть общественное внимание, которое мы можем даровать государству и бизнесу или можем в нем отказывать. Мы можем саморегулироваться, проводить независимую экспертизу, договариваться с государством частным образом или лоббировать интересы отдельных групп. Мы в принципе можем обойтись без государства и бизнеса, а вы попробуйте обойтись без нас. И, наконец, мы можем самоуничтожиться — умереть от пьянства или наркотиков, или уехать, выбрав другое государство и другой бизнес.

«В России время от времени все уничтожается»

Концепция VII Пермского экономического форума была построена на метафоре из книги Владимира Паперного 1980-х годов «Культура Два», в которой он описал два периода жизни страны — революционный (Культура Два) и стабилизационный (Культура Один). В поисках новой «Культуры Три» на форуме приехал и сам автор, который, правда, вот уже почти 30 лет в России не живет. Почему человеческий талант остается в России главной национальной валютой и какие события последнего времени изменили имидж страны, ВЛАДИМИР ПАПЕРНЫЙ рассказал в интервью „Ъ“.

— Вы как автор двух определений — «Культура Один» и «Культура Два» — наверняка должны знать, что же такое «Культура Три»?

— Я этого не знаю и думаю, что не знает никто. Понятие «Культура Три» позволяет творчески осмыслить его наполнение. Все согласны с тем, что эта новая культура возможна, а главное, необходима. Эта возможность появилась лишь потому, что колебания между двумя периодами —

революционным и стабилизационным — продолжают слишком долго. Причем это не поступательное движение, а какое-то вращательное движение по замкнутому кругу. В России время от времени все уничтожается, все начинается сначала, строится, строится, потом приходит какое-то следующее поколение, какая-то следующая эпоха, и все начинается сначала. В результате не происходит никакого накопления.

Я всегда вспоминаю анекдот, в котором старого англичанина спрашивали, как выжить в России. Надо по-

сеять газон и 300 лет стричь одну и ту же траву. У нас газон выращивать не умеют: его сажают, стригут, потом вытаскивают, потом заливают асфальтом, потом на этом месте выкапывают яму и строят небоскреб. «Культура Три» — это то, что соединяет динамику движения в будущее с пониманием того, что ничего разрушать нельзя. — В последнее время вы стали чаще приезжать в Россию, активнее здесь работать. Вы нашли российские реалии для себя комфортными?

— Есть много причин. Моя жизнь в Америке очень комфортна, жизнь в Москве по сравнению с ней очень некомфортна. Но в России другое отношение к моей роли. В Америке я в основном занимаюсь дизайном (первое образование — факультет промышленного дизайна Стратовского училища. — „Ъ“), есть какие-то клиенты. Но если в Америке меня знают примерно тысяча человек, то в России их гораздо больше. Поэтому если у меня есть желание поделить себя какой-то мыслью, то здесь меня услышат гораздо больше людей, чем в Америке, здесь у меня гораздо бо-

лее широкая аудитория, мне интереснее бывать здесь. Первые семь лет после своего переезда (уехал в 1981 году — „Ъ“) я был полностью лишен возможности приезжать в Россию, мне сказали, что я никогда сюда не приеду, не увижу своих родственников. Потом произошла «перестройка», и я смог впервые приехать в 1988 году. С тех пор я достаточно часто стал приезжать. — Почему совсем не хотите вернуться в Россию?

— Мне нравится здесь часто бывать, но в принципе сейчас абсолютно не важно, где ты живешь или работаешь.

— Находясь все-таки в неком отстранении от России, вы наверняка можете оценить ее какие-то основные конкурентные преимущества.

— Главное преимущество — это человеческий талант. Россия создала большое количество талантливых людей или, как минимум, не меньше чем другие страны. Удивительно, какое количество умных и талантливых людей уничтожалось в России при Иване Грозном, Петре I, при Ленине, при Сталине. И все равно таланты продолжают здесь появляться! Главная валюта, которая сегодня есть

в России, — это человеческий талант. И, безусловно, людям очень важно попытаться каким-то образом вернуть — пусть если не окончательно, то просто для частичного участия в российской жизни. Среди моих друзей-эмигрантов есть такое мнение, что Россия — это дыра, которую лучше вычеркнуть из сознания. Российская история развивалась через серию катастроф — развивалась, потом приходила в упадок и снова начинала развиваться. Отсутствие культурного и экономического накопления является основным тормозом для страны.

— А таланты в сфере освоения природных ресурсов или поэты-песенники?

— Россию серьезно может продвигать вперед именно гуманитарная мысль. Еще у Николая Гумилева были поэты будущего, которым «предоставлено править миром», и это на самом деле совершенно правильная мысль. Если в сталинскую эпоху, которую можно назвать реализацией идеального государства Платона, поэты были изгнаны и находились на самой низкой ступени, то сейчас они вновь должны вернуться. — Какие события последнего времени, на ваш взгляд,

положительно изменили имидж России?

— Очень важным событием, на мой взгляд, стало присуждение премии «Инновация» группе «Война» (в начале апреля арт-группа получила премию «Произведение визуального искусства» за акцию «Х.й в плену у ФСБ»; см. „Ъ“ от 9 апреля). Сам факт того, что Министерство культуры назвало акцию хулиганской выходкой, но все равно она получила премию — это уже точно не тоталитарное общество. Это отчетливый знак позитивных изменений, если государство говорит, что это плохо, а какой-то общественный совет дает им премию. Я, кстати, считаю группу «Война» очень талантливыми людьми — это примитивность и чистота на уровне древнего искусства. Ими нельзя не восхищаться.

Еще меня удивляет, когда говорят, что в России страшная цензура. На телевидении, согласен, она существует, причем в форме скорее самцензуры. Но в целом при наличии интернета, каналов типа «Дождь» и т. п. любой человек имеет возможность высказать практически любую мысль.

Интервью взяла Ирина Парфентьева

review

ПЕРМСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

«Шутим, развлекаем, рассказываем про то, что женам будет чем здесь заняться»

(Окончание. Начало на стр. 17)
Де Сото мне объяснял: «Что мы носимся по миру, вот что я сюда приехал? Мы ищем. Может ли где-то быть что-то суперинтересное, можно ли здесь запустить какой-то инновационный проект в широком смысле слова. Не инженерный проект, а что-то совершенно новое». Вот Пермь — миллионный город. Сколько в мире миллионных городов? Можно ли сделать здесь что-то такое, что можно тиражировать на все остальные миллионные города. Мы говорим: «Давайте мы вас на что-то найдем и вы что-то сделаете». Они говорят: «Подождите, мы сами в такой ситуации. Давайте вы что-то придумаете, что нам будет интересно. Вы почувствуйте и поймите, что здесь можно сделать интересного, и тогда мы сами прибежим. А если бы мы могли вам что-то предложить, то, может, именно к вам бы мы и не пришли». И вот когда слышишь эту мысль из уст нескольких великих людей, понимаешь, что форум получил какой-то новый формат, которого мы не ожидали. В моей голове осознание этого изменения произошло только в этом году. — И где вы планируете искать подобные проекты? — Есть предположение, что экономика знаний зарождается в университете. Для этого мы должны пройти мотивационную цепочку от начала до конца, начиная с того, чтобы школьники хотели учиться, чтобы у них была какая-то мотивация. Внутри университета нужно создавать истории успеха: нам надо сделать так, чтобы, идя по коридорам университета, показывая пальцем: «Вон там парень-пятикурсник — он уже миллионер». Возможно такое? Такое есть, как минимум, в европейских университетах. Понятно, что основатели ICQ и Facebook не ходят по этим коридорам, к сожалению, но эти студенты уже хот

что-то об этом знают. Они уже хотят быть великими, пусть далеко не все.

Если по итогам обучения студент решил посвятить себя науке, у него есть два сценария. Первый — когда он полностью отдается исследованиям и мечтает стать нобелевским лауреатом. В этом случае мы просто поддерживаем и выплачиваем \$1 тыс. каждому доктору наук. Но есть и второй сценарий — это когда ты хочешь зарабатывать на своих знаниях деньги. Тогда мы даем возможность участвовать в инвестиционных группах, где вместе с западными учеными молодой научный сотрудник может, как минимум, понять, что на рынке знаний востребовано, какой продукт нужен. Правда, Эверат (Жан-Пьер Эверат, экс-губернатор Всемирного экономического форума, — «Б») считает, что университета будущего нет, и приводит в пример Билла Гейтса. Исходя из этого, существует и вторая версия, что нужно найти 40-летних инженеров и отправить их на Запад. Они, во-первых, там не останутся, а во-вторых, гораздо быстрее молодых специалистов поймут, что в каждой отрасли происходит и как это можно применить у нас.

Но и к российским специалистам пока тоже есть вопросы. Например, мы недавно делали мастер-план города и привлекли для этого лучших западных специалистов, так российские, причем не только пермские, встали на дыбы. Наши стали утверждать, что сделали бы лучше и дешевле. На это я отвечаю: «У вас была возможность сделать и лучше, и дешевле. Но когда составленный вами генеральный план города, предусматривающий развитие города вишь, посмотрели иностранцы и сказали, что таким образом мы город просто убьем, я хочу пусть и дороже, но точно качественно».

Сейчас Пермский край играет в традиционных промышленных областях, например, той же Калужской области. Но время покажет, чем этот выитрыш для них обернется. Просто построить завод по штамповке лекарств можно. Но создать рядом с производством место, где будут хоть какие-то мыслительные процессы происходить, — это уже интереснее задача.

— А как вы иностранным инвесторам объясняете, что нужно именно в Пермь инвестировать, а не, допустим, в «Титановую долину» в Свердловской области или, например, в ту же Калугу?

— На самом деле, каждый инвестор всегда исходит исключительно из собственных потребностей. Например, если ему нужны определенные условия, то он без каких-то дополнительных размышлений и изысканий разместит автомобильное производство между Петербургом и Москвой или будет искать именно ему нужный морской порт. Не буду раскрывать название одной известной немецкой компании, которая недавно искала как раз место просто «в центре России». Не сомневаюсь, что они просто взяли карту и ткнули в нее пальцем. Плюс минус получилось, что попали в Пермь. Встретились, поговорили, кажется, поняли друг друга, захотели общаться дальше. В любом процессе привлечения инвестора есть много субъективных факторов. Когда к нам приезжают, мы шутим, развлекаем, рассказываем про то, что их женам будет здесь чем заняться. Как ни смешно, сталкивались с ситуацией, когда путали, с кем говорить — с гендиректорами или их женами, которые, приезжая к нам, спрашивали, где здесь Большой театр. Не находя его, они тут же грозились уехать и увезти, соответственно, нашего инвестора.

То, что варится сейчас в котле Пермского края под руководством Олега Чиркунова, уже давно выходит за пределы чисто региональной проблематики

— С учетом того, что у вас есть целая программа «Пермь — культурная столица Европы», думаю, что заняться им тут было бы чем. Почему вы так активно решили начинать развитие региона с привлечения в качестве инвесторов именно галериста Марата Гельмана и т. д.?

— Случайно. Я был человеком, крайне далеким от искусства, и уж тем более не понимал, как это все работает. Потом ко мне пришел Сережа Гордеев (член Совета федерации, — «Б»), который прочитал мою статью с рассуждениями про конкуренцию в совершенно различных сферах. Он сказал: «Мне это нравится, я хочу с тобой работать». Мы с ним начали сначала говорить про город, про проект создания генплана, мастер-плана. Потом он привлек к этому проекту Марата (Марат Гельман, галерист, — «Б») — своего друга. Марат мне и сказал: «У меня есть дело жизни, я столько лет своей жизни потратил на современное искусство и убежден, что если есть у России хоть какой-то шанс, то он именно в искусстве». Мы дали им помещение под первую выставку. Честно признаться, я шел на нее с содроганием, поскольку помнил собственные впечатления от современного искусства: все ходят вокруг какого-то болта, и все вокруг говорят, как это здорово. Я морально подготовился и решил, что просто похожу вокруг какого-то подобного болта и побыстрее оттуда уйду. Но я пришел на выставку и был удивлен реакции людей: они были счастливы. И я понял, что Марат был прав — это может стать началом большой истории.

Интервью взяла Ирина Парфентьева

«Можно изобрести сочетание пульта с презервативом, но зачем?»

Спор о том, почему в России при всех попытках организации инновационного развития инновационного роста как такового не выходит, практически всегда превращается в терминологический. Он не всегда абстрактен: что такое инновации и кто такие инноваторы, на Пермском экономическом форуме с необычной и многих пугающей ясностью продемонстрировал учредитель литовской Школы управления и демократии АРТАШЕС ГАЗАРЯН.

С инновациями, как и другими ставшими слишком популярными словами, происходит одна беда. Их настолько затаскивают, что мы уже не понимаем, о чем они. Из того документа, который сегодня принят в России, инновация «есть введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организация рабочих мест или внешних связей». То есть просто изобретение — это не инновация, оно должно быть введено в употребление. Минимальным признаком для инновации является, чтобы на предприятии, в организации это было новым. Если вы этого никогда не использовали, но это было, скажем, у ваших соседей, это инновация, и вы можете ставить себе «птичку».

Но если вы хотите, чтобы на вас смотрели как на инноваторов, вы должны делать не то, что все делают, а то, что никто не делает.

Мировой инновационный процесс — это миллионы, миллиарды каждый день происходящих новшеств, фактически появляющихся в жизни, в технологиях, продуктах, организациях и т. д. Для того чтобы определить свое место в этом процессе, существует три показателя, на которые можно ориентироваться.

Арташес Газарян полагает, что инновации в обществе, не генерирующем спроса на инновации, будут лишь колебанием воздуха

Первый — какое количество вещей, новых для мира, глобального масштаба появилось в данном конкретном месте. Второй — это степень новизны. Можно ли считать любую компьютерную программу инновацией? Формально — да, но насколько это новое. Совершенно новый процесс, новая задача, решаемая с помощью компьютера, которую никогда и нигде не решали, это будет просто другого уровня инновация. Наконец, есть инновации, которые очень новые. Помните старый анекдот про неуловимого Джо, который просто был никому не нужен? Можно изобрести сочетание пульта с презервативом, которого в мире нет, совершенно оригинальное устройство, но оно кому-нибудь нужно? Когда-то все было инновацией: замочек для брюк — инновация, имеющая колоссальные последствия для человечества.

Можно придумать что-то оригинальное, но никому не нужное. Наверное, сильно хвастаться такими инновациями не нужно.

Инновационной деятельностью является то, что приводит реально к инновациям или задумывается и делается так, чтобы привести к инновации, то есть изменению в практике. Если это не задумано с самого начала, то это не инновационная деятельность. Научная деятельность — не инновационная деятельность.

Главное, кто такой инноватор? Это не тот, кто придумал велосипед, а тот, кто сделал велосипед. Тот человек, который может преодолеть пропасть между тем, чего нет и что есть. Тот, кто способен в реальность приносить новое, а не рассуждать о нем, писать. Инновация — когда что-то новое происходит.

Инноватор — человек, способный ввести новое, он не в вакууме действует, а какой-то среде, организации, предприятии, которые могут способствовать его деятельности, а может, препятствовать. Моя пер

вая инновация была 37 лет назад, когда я придумал сильно удешевляющий способ крепления резисторов. Мне начислили огромную премию по тем временам. Но директор мне сказал: «Еще одна „радуха“ — и выгоню». Интерес предприятия — это то, о чем в первую очередь необходимо думать.

Предприятие находится в регионе, отрасли. Среда тоже может благоприятствовать инновациям или препятствовать. В 1991 году я создал свой центр по проблемам самоорганизации и самоуправления, а среда была такая: коммерческим организациям можно было не платить ЭВМ, то есть списывать часть прибыли, которая шла на приобретение компьютеров. А мне надо было покупать компьютеры и платить в два раза дороже, чем любой пивной, например. Я сделал что-то новое для СССР, приехали люди для того, чтобы познакомиться. Но среда не благоприятствовала. Страна тоже может быть такой, в которой легко работает, и такой, в которой это сделать трудно.

прямая речь

Какие реальные конкурентные преимущества есть у России и что нам объективно мешает?

Николай Карпушин, министр образования Пермского края:
— Преимущество одно: в России очень много очень умных людей. Однако мешает ровно тот же самый тезис. Неб

ходимо соединить потенциал тех, кто может креативить и думать, с теми, кто уже что-то делает.

Пьер Жан Эверат, профессор, экс-глава Всемирного экономического форума (Давос, Швейцария), экс-президент Philips Electronics (США):

— У России есть большой потенциал, важно его не растерять. Я настойчиво советую меньше внимания обращать на институты. Необходимо про них забыть! Важно приступить к работе с инновациями. Америка не самая лучшая страна, но для открытия собственного бизнеса необходим лишь \$1. После этого ты можешь позвать своих друзей и начать действовать. Единственным институциональным моментом в данном случае выступают налоги.

Вячеслав Глазычев, заведующий кафедрой территориального развития факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ:

— У России есть только одно потенциальное конкурентное преимущество — это удивительный опыт людей. Они, битые, мытые, катанные, но при достаточном уровне образования пережили такое количество катаклизмов! Человеческий капитал есть, и его до сих пор не удалось уничтожить ни отвлеченной средней школе, ни высшему образованию. Однако и названное преимущество в перспективе мы можем потерять. Во всем остальном Россия проигрывает. Опыт показывает, что минеральные ресурсы позво

ляют питаться, но развиваясь с их помощью еще ни у кого не получилось.

Константин Бесчетнов, депутат Государственной думы РФ:
— Основное преимущество России — колоссальная человеческая база и интеллектуальный потенциал. Подтверждение этому — те люди, которые уехали из страны и коммерциализировали свои идеи, к сожалению, не на своей родине, а в США, Германии, Израиле или где-нибудь еще. Главное — создать экономические условия для того, чтобы существующий потенциал начал воплощаться в капитал.

В первую очередь необходимы первые прецеденты успешной модели, доказывающие, что в России возможно быть умным и богатым одновременно. Мешает развитию то, что только на федеральном уровне необходима разработка и принятие более 100 законов.

1-26.06.2011

Белые Ночи в Перми

Не проспи главное!

www.permfest.com

Пермский проект представляет Белые ночи в Перми

При поддержке Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, Администрации г.Перми

спонсор

КАМКАБЕЛЬ
ваш проводник в мире энергии
ООО «Камский кабель»

Реклама

review ПЕРМСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Берут горлом и жестом

В отличие от экономической составляющей, культурная часть Пермского форума стала куда более очевидной и во многом понятной для его участников. Вероятно, утверждение губернатора края Олега Чиркунова о том, что Пермь скоро станет новой культурной столицей Европы, было намного убедительнее попытки составления общественного договора, а фигура столичного галериста Марата Гельмана, с недавних пор практически покинувшего российскую столицу в пользу регионов, привлекала больше внимания, чем лекции мировых экономистов. Впрочем, организаторы ПЭФ-2011 вряд ли не предполагали этого эффекта — что именно станет фоном, не так важно: форма не диктует содержание, а отделить в Перми экономику от культуры должно быть невозможно, идея в этом.

«Нулевой» день форума, отменившийся в деловой программе своей немногочисленностью, организаторы решили завершить концертом новой пермской звезды 39-летнего дирижера Теодора Курентзиса, который с января стал художественным руководителем Пермского академического театра оперы и балета им. П. И. Чайковского. Почему эксцентричный музыкант, еще год назад ставивший в Большом театре «Войска» и «Дон Жуана», а в сезоне 2007–2008 получивший от Московской филармонии слабоменмент «Дирижирует Теодор Курентзис», вдруг сменил столичную и европейскую оркестровые ямы на Пермь, для многих присутствовавших на концерте так и осталось неразгаданным. Еще более серьезной эта задача была для тех, кто не знал, что господин Курентзис уже работал в российских регионах (был главным дирижером Новосибирского академического театра оперы и балета) — для них этот вопрос стал куда более важным, чем составление общественного договора и вся последующая деловая программа.

Но таким «приобретением», как Курентзис, явно доволен пермский губернатор Олег Чиркунов. «В Пермь ради него будут приезжать со всей Европы. Да что там — мира», — достаточно часто повторял (или просто убеждал) он участников. То, что приезжать будут, сомнений не было. Приезжать будет весь мировой музыкальный свет по весьма очевидному спецприглашению либо самого господина Чиркунова, либо организаторов очередного политико-экономического форума. В этот раз компанию дирижеру составили англичанка Дебора Йорк и шведка Мария Форстрем, которые исполнили Stabat Mater

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗЕМНОГО ШАРА О ПОВЕСТКЕ ДНЯ. Только в Перми сотни участников форума могли позволить себе думать о том, как именно должна звучать поэзия Велимира Хлебникова. В этом ПЭФ-2011 помогали композитор Владимир Мартынов, сочинивший этномифологическую сюиту «Дети Выдры», оркестр Opus Posth, сыгравший эти звуки, и тувинский коллектив «Хуун-Хуур-Ту», отвечающий собственно за голосовые связи

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ. «Неформатность» с точки зрения большинства экономических форумов мира программы Пермского экономического форума имела свои пределы: без официального приема у властей ни одно подобное мероприятие не могло быть ни понятным, ни принятым. Губернатору края Олегу Чиркунову пришлось принять это как неизбежность: светское общение при всей чопорности формата и неизменности формы — традиция, которую хорошо подобранная компания обязана заполнять собственными смыслами

ГРЕЧЕСКАЯ СТРОЙНОСТЬ В ПЕРМСКИХ ОТЛОЖЕНИЯХ. Теодор Курентзис — один из немногих участников Пермского экономического форума, не нуждающийся в представлениях. Что будет излагать экономистам один из самых известных дирижеров нашего времени, в программе ПЭФа не упоминалось, но предполагалось, что слушатели не оставят его вниманием, даже если он будет исключительно молчать. Так и случилось: Теодор Курентзис и MusicaAeterna в Пермском академическом театре оперы и балеты имени Петра Чайковского исполнили Гайдна

Джованни Баттиста Перголэзи. «Соло» (то есть Курентзис и оркестр театра MusicaAeterna) прозвучало «Семь последних слов спасителя на кресте» Иозефа Гайдна. Выбор «высокодуховного» репертуара, правда, в креативной обработке нового худрука (половина сцены бала перекрыта железными листами, на которые проецировались библи

лейский текст), объяснял уже на выходе галерист Марат Гельман: открытие форума совпало со Страстным четвергом, в который традиционно устраивались концерты духовной музыки в церквях и салонах.

В основной, первый день форума торжественный прием в Музее современного искусства PERMM устроил и сам губерна

тор, совместив формальные обязанности с приобретением экономистов и политтехнологов к прекрасному и культурному. В качестве «прекрасного» в этот раз была знаменитая видеоинсталляция «Пир Трималхиона» арт-группы AES+F. То ли из-за выбора места, то ли из-за осязательности либеральности в Перми к культуре у мероприятия было

сразу три хозяина: сам господин Чиркунов, директор музея Марат Гельман и не самый очевидный — министр культуры Пермского края Николай Новичков, недавно сменивший на этом посту незабвенного Бориса Мильграма. Именно новизбранный министр с крайне озадаченным видом постоянно перемещался по музею и показывал экспозицию вновь прибывшим гостям, в числе которых оказалась и главная звезда форума — глава Института свободы и демократии перуанец Эрнандо де Сото, который достаточно быстро осмотрел всю экспозицию. Самым внимательным посетителем оказался ректор Российской академии народного хозяйства и госслужбы Владимир Мау, тщательно другие обследовавший выставку, останавливавшийся практически у всех инсталляций, при этом не расставаясь с телефонной трубкой.

Продолжить вечер участникам форума было предложено еще в одном культурном пермском оазисе — театре «Театр» за прослушиванием этномифологической сюиты «Дети Выдры». Правда, с губернаторского приема до театра, судя по большому количеству пустующих мест в зале, доехали немногие. Среди самых стойких и

жаждущих культуры оказалась и управляющий директор московского офиса McKinsey Ермолай Солженицын, еще до начала концерта успевший приобрести музыкальный диск с предстоящим выступлением и явно не подозревавший о его содержании. «Сюита» стала практически образцом так желанной Олегом Чиркуновым мультикультурности в Перми: тут и пермский хор «Млада», и камерный оркестр Opus Posth, и тувинская группа горлового пения «Хуун-Хуур-Ту». Судя по весьма непродолжительным аплодисментам (в сравнении с теми 15-минутными, которыми публичка наградила Курентзиса), культуры участникам форума было уже недостаточно и в тезис губернаторской про Пермь и столицу они все поверили.

Завершающим светским аккордом форума стало массовое посещение (участники подъезжали целыми автобусами) пермского ночного клуба «Ветер». Заключение гарантированно обеспечивало отсутствие примерно трети участников форума в первой половине следующего делового дня — Впрочем, вполне можно считать это временем, потраченным на раздумья над светско-культурной составляющей ПЭФ-2011.

Ирина Парфентьева

«Деятели культуры в качестве профессиональных нищих всегда проигрывают»

Марат Гельман,
руководитель Музея современного искусства PERMM

Известный галерист и бывший политехнолог МАРАТ ГЕЛЬМАН, в 2009 году создавший и возглавивший Музей современного искусства PERMM, по-прежнему убежден: прорыв для российской экономики стоит искать вовсе не в технологиях и новомодных инновациях, а в гуманитариях и культуре.

Мы находимся в постиндустриальном обществе, в котором гуманитарная сфера производит гораздо больше продукта, чем технологическая. Для сравнения: сегодня 70% инноваций находится в нетехнологической среде и носит нетехнологический характер. Совокупная стоимость работ Пабло Пикассо больше, чем стоимость «Газпрома», а доля креативного бизнеса в мировом валовом продукте составляет 7%, против 4% сельского хозяйства.

Для объяснения скептикам необходимости инвестиций в непроизводственный сектор существует весьма простая задача. Условие: представьте себе две творческие группы — ученых и литераторов. Первым поставлена задача обогнать Apple, вторым — превзойти Джона Роулинга. Вопросы: что в России может появиться с большей вероятностью — новый iPad или Гарри Поттер — и что будет, если ни те ни другие поставленную задачу не выполнят? Думаю, что на первый вопрос ответ очевиден — Гарри Поттер. А вот второй потребует небольшого пояснения. Ученые, может, и смогли произвести iPad, но он вдвое тяжелее или на 30% дороже — значит, рынку такой продукт будет не нужен. А вот созданный второй группой, пусть и не Гарри Поттер, персонаж может получить коммерческий успех, например, только в русскоязычной среде или уже на исходе славы своего американского коллеги. Исходя из этого, можно сделать простой вывод: есть универсальное, например научно-технический процесс, где ты вступаешь в конкурентную борьбу с самим передовым, а есть уникальное — гуманитарное. То, что какой-то дизайнер создал очень хороший стул, совершенно не означает, что 20 других дизайнеров не могут достичь успехов, создав другой стул. Если есть Гарри Поттер, это не значит, что не может быть создано другого героя — Гагарина.

Когда создавали «Сколково», за модель брали Кремниевую долину с ее двумя главными героями — ученым и бизнесменом. Сегодня появились и третья фигура — дизайнер, который наравне с ученым производит новую добавленную стоимость, и его продукт при этом более реалистичен. Одна из базовых проблем нашей экономики — это отсутствие инфраструктуры. Ученый, каким бы он ни был гениальным, в отсутствие инфраструктуры не создаст ни iPad, ни атомную бомбу. Вторая проблема — это катастрофическая отсталость, в автомобильном строительстве, самолетостроении и т. д. В гуманитарной сфере таких трудностей не существует: писатель может работать без специальных условий, а в качестве основы для его работы — все культурное наследие, которое по определению является общим достоянием. Еще одна особенность России — это крайне низкая производительность труда, и преодолеть ее можно только тогда, когда цена будет оторвана от стоимости за счет творческой составляющей. Если стул стоит \$25, в России его себестоимость — \$20, в Китае — \$10. Правда, стоит китайцам предложить конечную стоимость в \$18, все наши фабрики окажутся никому не нужными. Но если стул или шкаф будут стоить \$200, то уже не важно, сколько ты на него затратил в себестоимости.

Искать прорыв нужно не в технологической сфере, а в гуманитарной, где проекты будут гораздо быстрее и с большей вероятностью достигать успеха. Сейчас же существует очевидный крен в сторону таких идей, например, как «Сколково». При формировании бюджета есть три корзинки: инфраструктура, инвестиции и «социалка», где сегодня и находится искусство. Российский премьер Владимир Путин говорит, что правительство будет помогать культуре. А кому в нашей стране помогают? Старым, больным, убогим и деятелям культуры. И деятели культуры в качестве профессиональных нищих всегда проигрывают: они молодые, красивые, ездят за границу, о них пишут в газетах. Экономисты должны переместить культуру в социальные лидеры или, как минимум, поставить на один уровень с технологиями.

Культурные ценности включены в баланс

Пермские власти намерены бросить все силы на включение краевого центра в европейскую программу культурных столиц. Но препятствием для включения в программу могут стать не только формальные причины, но и несогласованность позиций элиты внутри региона: именно в тот момент, когда в первый день форума ПЭФ-2011 обсуждал программу «Пермь — культурная столица Европы-2020», с прямой противоположных позиций ее же обсуждали и в пермском законодательном собрании. Европейцы еще ранее советовали пермякам в первую очередь обратить внимание на формирование единой повестки дня и были услышаны: не без критики, но поправки в бюджет Пермского края, выделяющие дополнительные средства на культурные программы в 2011–2013 годах, были приняты.

Перспективы получения Пермью статуса культурной столицы обсудили участники VII Пермского экономического форума. Амбициозные намерения краевых властей по включению уральского города в европейскую программу были оглашены еще несколько лет назад. Специально для лобби

рования и продвижения идеи краевым правительством был создан проектный офис, который возглавил бывший художественный руководитель театра «Театр» Борис Мильграм.

Сам господин Мильграм в ходе форума пояснил, что культура рассматривается пермскими властями в «нетрадиционном понимании». По его словам, направление не является частью социального блока работы правительства, которое финансируется по остаточному принципу, а становится инструментом для развития региона. «Мы понимаем все сложности попадания в программу, осознаем, что само движение в этом направлении может сыграть большую роль для города и края. Теперь нам интересно в этом процессе все», — заявил Борис Мильграм. Учредитель литовской школы управления и демократии Артасеш Газарян подтвердил, что пребывание в роли культурной столицы действительно является «важным шагом в развитии урбанистической среды региона, импульсом к развитию творческого потенциала во всех областях, экономическому росту и новому качеству жизни населения». Тем не менее сегодня основным препятствием для вхождения в программу явля

Идеи развития культурной сферы постепенно принимаются даже наиболее консервативной частью элиты в Перми

ется то, что Россия не входит в ЕС и, соответственно, города РФ не могут принять участия в программе.

Однако, как полагают эксперты, формальные трудности с вхождением российских городов в европейскую программу не являются первоочередными. «Культурные столицы до 2019 года уже назначены; до 2020 года, когда можно претендовать на роль культурной столицы, осталось девять лет, и это очень мало. Пермь должна понимать, что ее ожидает и к чему быть готовой. Начиная с тех мероприятий, которые будут проводиться на ее территории, заканчивая тем, где и как размещать гостей, которые будут прибывать на эти мероприятия. Конечно, одним днем все эти вопросы просто не решить», — поясняет господин Газарян.

Министр культуры Пермского края Николай Новичков добавил, что культура способствует развитию экономики региона в целом. В качестве примера он привел ПЭФ-2011, гости которого, по его словам, заняли все свободные гостиничные места в городе. Сейчас он опасается, что Пермь во время фестивалей «Белые ночи» (пройдет с 1 по 26 июня) не справится с потоком туристов — для решения проблемы привлека

ются риэлторы, которые смогут сдавать квартиры в аренду на несколько дней.

В день открытия ПЭФ-2011 проходило пленарное заседание законодательного собрания края. В повестке работы депутатов — принятие в первом чтении пакета поправок в бюджет региона на 2011 год и плановый период 2012–2013 годов. Изменения касались распределения дополнительных доходов региона в размере более 10 млрд руб. В итоге рассмотрение поправок могло закончиться скандалом. Несмотря на переговоры с краевыми чиновниками, народные избранники отказались поддерживать дополнительные расходы на культуру. В частности, в 2011–2013 годах предполагается выделить 600 млн руб. на финансирование экспериментальных постановок Пермского театра оперы и балета им. П. И. Чайковского, которые планирует реализовать новый художественный руководитель учреждения Теодор Курентзис.

Депутат Олег Жданов вспомнил, что на организацию ежегодного конкурса балета «Арабеск» и организацию «двухтрех» новых постановок в год театру оперы и балета хватало 8 млн руб., которые собирал фонд «Жемчужина Урала». «Сей

час появляется какая-то круглая сумма, не подтвержденная никакими обязательствами. Нет оснований включать эти расходы в бюджет», — подготовил он. Дополнительные разрабатываемые для парламентариев стало отсутствие во время рассмотрения поправок в заксобрании части правительства, в том числе Николая Новичкова, что было расценено как «неуважение по отношению к депутатскому корпусу». Министр культуры, в свою очередь, на сессии заявил, что после происшедшего в заксобрании «необходимо снимать с себя полномочия министра» и уходит в отставку. Он так и не смог пояснить, в чем причина такой радикальной позиции депутатов. «Возможно, это депутаты бдительные, это мы не дорабатываем», — пояснил он. Более резко выступил руководитель пермского музея PERMM Марат Гельман. Он назвал депутатов «феодалами». По его мнению, парламентарии до сих пор не осознают идеологии краевых властей, что культура уже не является частью социальной политики. «Проце поменять депутатский корпус, чем занимаясь переубеждением», — заключил господин Гельман. Выборы в заксобранье Пермского края пройдут в декабре 2011 года.

Несмотря на то что властям не удалось избежать неприятной ситуации, дискуссия в итоге закончилась принятием пакета поправок в бюджет. «В пожарном режиме» в региональный парламент прибыл глава краевого правительства Валерий Сухих. Сначала он провел переговоры с представителями крупнейшей фракции «Единой России», а потом вышел на трибуну и попросил депутатов проголосовать за поправки повторно, что и произошло.

Элона Байориниене, генеральный директор неправительственной организации «Вильнюс — культурная столица Европы» (2007–2009), посоветовала пермякам сформировать единую повестку дня: только в этом случае, на ее взгляд, возможно достижение цели. Кроме того, она предупредила, что участие в программе потребует значительных финансовых затрат. Однако, по ее словам, надеяться на то, что Евросоюз выделит средства на реализацию мероприятий культурных столиц, не стоит. «ЕС предоставляет знак качества, все остальное должно быть сделано своими силами, умением собрать средства из различных источников», — заключила она.

Дина Полина